

МОСКОВСКІА ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Выходятъ по воскресеньямъ въ объемъ отъ одного до двухъ листовъ. Подписка принимается въ *Москву*: въ Епархіальной библиотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ; въ редакціи М. Е. В. на Донской, въ приходѣ Рязноложенской церкви, въ квартирѣ священника Рождественскаго; у книгопродавцевъ: Соловьева, Оропантова и въ книжной лавкѣ Русская грамота; въ *С.-Петербурѣ* у Кораблева и Сврякова и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ. Годовая цѣна 3 руб., съ доставкой и пересылкою 4 руб. Полугодовая 1 руб. 50 коп., съ дост. и перес. 2 р. 30 к., за три мѣсяца 75 коп., съ достав. и перес. 1 р. 15 коп. Отдѣльные номера продаются въ Епархіальной библиотекѣ по 8 коп.

СОДЕРЖАНІЕ 1. Обсужденіе вопросовъ, относящихся до народнаго образованія, въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (*продолженіе*).

2. Историческое обозрѣніе святыхъ Московской епархіи (*окончаніе*). Церковь и Общество (*продолженіе*). Пожертвованіе въ память въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета. Объявленіи.

ОТДѢЛЪ I-й. ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ОБСУЖДЕНІЕ ВОПРОСОВЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ, ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГУБЕРНСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ.

(Продолженіе)

Воспитательный характеръ проектируемаго заведенія долженъ быть, какъ уже было выражено выше, религиозный—православный, и народный, возможно менѣе отдѣляющій воспитанника отъ условий нашего сельскаго, крестьянскаго быта. Этому строго выдержанному характеру долженъ соответствовать и самый образъ жизни воспитанниковъ въ учительской школѣ. Молитва, какъ непосредственное выраженіе религиознаго настроенія, должна имѣть важное значеніе въ ежедневной жизни воспитанниковъ: день долженъ начинаться и оканчиваться общею молитвою, точно также молитвою должны начинаться и оканчиваться классы, наконецъ молитвою же сопровождается начало и конецъ обѣда и ужина. Въ праздничные и воскресные дни и кануны воспитанники должны непременно всѣ присутствовать въ ближайшей приходской церкви какъ при литургіи, такъ и при другихъ церковныхъ службахъ, причѣмъ, лучшіе по голосамъ и способности къ пѣнію составляютъ, вмѣстѣ съ учениками народнаго училища, мѣстный пѣвческій хоръ. Наконецъ, соблюденіе всѣхъ установленныхъ постовъ должно быть обязательно для воспитанниковъ учительской школы. Нельзя не указать при этомъ на то, до какой степени

необходимо, чтобы лица, служащіе въ учительской школѣ и начальники ея подавали бы сами примѣръ истинно религиозной жизни и соблюденія всѣхъ церковныхъ установленій.

Характеръ внѣшняго устройства учительской школы и матеріальной обстановки воспитанниковъ указывается въ уставѣ, опредѣляющемъ, что учительская школа учреждается въ *Москву*, и притомъ въ мѣстности, не имѣющей дачнаго характера; вся внѣшняя обстановка жизни воспитанниковъ строго сообразуется съ характеромъ и условиями крестьянскаго быта. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на первое изъ приведенныхъ условий, и именно потому, что соблюденіе его сопряжено и съ немалыми затрудненіями, и съ довольно значительнымъ увеличеніемъ расхода. Въ *Москвѣ* можно бы безспорно легко найти и требующееся помѣщеніе, и хорошихъ учителей. Но по убѣжденію комиссіи, это мѣстное условіе имѣетъ самое существенное значеніе. При устройствѣ учительской школы въ городѣ не только невозможно бы было дать воспитанію тотъ характеръ, котораго желала комиссія, но и вообще едва ли можно бы было образовать учителей, годныхъ для сельскихъ школъ. Въ городскую семинарію будутъ поступать городскіе жители, и во всякомъ случаѣ воспитанники будутъ выходить изъ неа городскими жителями; избѣгнуть этого едва ли можно будетъ и самими искусственными мѣрами. На этомъ основаніи великое большинство учительскихъ семинарій за границей основаны въ городоѣ; и у насъ, гдѣ отлччіе города отъ села, городскаго населенія отъ сельскаго, еще гораздо рѣзче, приведенныя соображенія имѣютъ еще болѣе значенія и условіе мѣстности еще болѣе важно. Кромѣ того, нравственныя требованія воспитанія вызвали бы въ городѣ значительное усиліе строгаго интерната, что едва ли было бы полезно для духовнаго и физическаго развитія воспитанниковъ.

Обстановка воспитанниковъ должна быть самая простая; все прихотливое и роскошное должно быть строго исключено. Вся домашняя утварь, всѣ комнатныя (кромѣ классныхъ), спальныя и столовыя принадлежности должны быть тѣ же, какія употребляются въ сельскомъ быту; если возможно, то и самыя

квартиры воспитанниковъ должны помѣщаться въ отдѣльныхъ, просторныхъ крестьянскихъ избахъ. Пища должна быть здоровая, но самая простая. Другое весьма важное, въ томъ же отношеніи, условіе обстановки воспитанниковъ заключается въ томъ, чтобы они исполняли сами всѣ работы по домашнему хозяйству заведенія, отнюдь не приучаясь рассчитывать на какую-нибудь прислугу. Съ этой цѣлью необходимо держать при учительской школѣ возможно меньшее количество послѣдней, ограничиваясь лишь комплектомъ лицъ, необходимыхъ для приготовления пищи, стирки бѣлья и т. п. Всѣ работы, сопряженные съ поддержаніемъ строго требуемыхъ порядка и опрятности въ квартирахъ воспитанниковъ и во всемъ, что относится до ихъ хозяйства, должны лежать на нихъ; кромѣ этого на нихъ же должны быть возлагаемы уборка и приведеніе въ порядокъ классныхъ и другихъ комнатъ (кромѣ учительскихъ квартиръ), приготовленіе столовой къ обѣду, приготовленіе дровъ для топки и т. п. Конечно, должно быть обращено вниманіе на то, чтобы всѣ эти занятія не приносили ущерба учебному дѣлу. Вообще нужно, чтобы день воспитанника былъ возможно полонъ, чтобы, при постоянныхъ физическихъ или умственныхъ его занятіяхъ, воспитаннику никогда не оставалось времени для праздности. При учительской школѣ предполагается имѣть садъ, огородъ и небольшую сельско-хозяйственную ферму (скотный дворъ и опытное поле), произведенія которыхъ могутъ идти на сбереженіе сопряженныхъ съ содержаніемъ воспитанниковъ расходовъ. При сельско-хозяйственныхъ садовыхъ и огородныхъ работахъ воспитанники упражняются въ свободное отъ уроковъ и вакаціонное время; но и тутъ необходимо чтобы эти упражненія не имѣли для воспитанниковъ характера одного только развлеченія, чтобы они не приучались возлагать на другихъ трудную, черную часть работы. Наконецъ, при школѣ должно имѣться особое помѣщеніе для упражненія воспитанниковъ въ употребительнѣйшихъ въ сельскомъ быту ремеслахъ и необходимыхъ для этого орудіяхъ.

По убѣжденію комиссіи, учительская школа должна быть заведеніемъ закрытымъ; но съ этимъ понятіемъ не слѣдуетъ соединять представленія о безусловной замкнутости, стѣсняющей всякое свободное проявленіе воли дисциплинѣ. Напротивъ возможный просторъ личной свободы, не исключаяющей возможности бдительнаго воспитательнаго надзора, необходимаго для правильнаго развитія воспитанниковъ, можетъ быть имъ предоставленъ, даже въ довольно широкихъ размѣрахъ, если учительская школа будетъ устроена внутри города и въ сравнительно уединенномъ мѣстѣ. Самыя условія образа жизни и помѣщенія воспитанниковъ могутъ находиться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ удобствъ, представляемыхъ тѣми зданіями, кои придется приспособить къ устройству ученическихъ квартиръ. Если бы удалось, согласно предположеніямъ комиссіи, устроить учительскую школу на Островѣ, гдѣ для помѣщенія какъ воспитанниковъ, такъ и большей части учителей, имѣлось въ виду одно общее зданіе съ общими для первыхъ спальней, столовой и кухней, то удобнѣе всего было бы устроить образъ жизни воспитанниковъ на обыкновенныхъ, общихъ всѣмъ закрытымъ заведеніямъ основаніяхъ. Но если бы мѣстныя условія дозволили это, было бы можетъ быть полезнѣе устроить квартиры воспитанниковъ и хозяйственнымъ условія ихъ содержанія нѣсколько на другихъ основаніяхъ, а именно: вмѣсто помѣщенія ихъ въ одномъ общемъ корпусѣ, распределить ихъ группами — артелями въ отдѣльныхъ просторныхъ избахъ или флигеляхъ, одно отдѣленіе которыхъ служило бы для ночлега, а другое столовой и вмѣстѣ кухней; для наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ, каждая артель избирала бы старшаго, выборъ котораго утверждался директоромъ; каж-

дая артель подъ наблюденіемъ старшаго, завѣдывала бы сама всѣмъ своимъ хозяйствомъ, т. е. не только содержала квартиру въ чистотѣ и порядкѣ, но покупала сама провизію для стола, заботилась о своемъ платьѣ и бѣльѣ, получая отъ директора положенныя на продовольствіе, платье и бѣлье воспитанниковъ деньги. Не придавая подобному устройству значенія необходимаго условія, нельзя однако же не указать на то, что оно могло бы значительно способствовать самостоятельному развитію воспитанниковъ, сближенію ихъ съ тѣми практическими условіями жизни, съ которыми имъ придется вѣряться при самомъ выходѣ изъ школы и съ которыми было бы очень полезно ихъ заранѣе познакомиться.

Самое важное условіе успѣха заведенія, подобнаго проектируемому, заключается въ выборѣ тѣхъ лицъ, коимъ должно быть поручено какъ управленіе имъ, такъ и преподаваніе въ ономъ. Это должны быть люди, не только извѣстные своею педагогическою опытностію, но люди здраваго образа мыслей, люди нравственные, религіозные и готовые при этомъ всецѣло посвятить себя тому дѣлу, къ которому они призываются. Они должны умѣть стать къ воспитанникамъ не въ начальническія, а въ дружескія отношенія, не только преподавая имъ уроки и наблюдая за ними, но и занимаясь съ ними и внѣ классовъ, въ общихъ съ ними бесѣдахъ, прогулкахъ, экскурсіяхъ. — Не сомнѣваясь въ томъ, что подобныхъ людей можно будетъ отыскать, нельзя однако не сознаться, что это будетъ дѣломъ не легкимъ: у насъ хорошихъ педагоговъ не много, и тѣ, которые есть, находятся на казенныхъ мѣстахъ, представляющихъ имъ и средство жизни въ настоящемъ, и обезпеченіе въ будущемъ. Понятно, что человѣку, могущему рассчитывать на соединенное съ повышеніемъ въ чинахъ увеличеніе оклада жалованья, и затѣмъ на пенсію, могущую обезпечить его въ старости, трудно отказаться отъ всего этого для того, чтобы поступить на мѣсто, не представляющее подобныхъ преимуществъ. На этомъ основаніи комиссія считала необходимымъ ходатайствовать о томъ, чтобы должностнымъ лицамъ учительской школы были присвоены соответственныя права и преимущества коронной службы. При этомъ нельзя не припомнить, что въ 1865 году былъ составленъ Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія проектъ положенія учительскихъ семинарій, устраиваемыхъ и содержимыхъ на частныя средства, въ силу котораго инспекторы и учителя этихъ семинарій должны были пользоваться всѣми служебными и пенсіонными правами инспекторовъ и учителей гимназій и прогимназій. — То же сознание важности и трудности выбора лицъ, для завѣдыванія учительской школой и преподаванія въ оной, заставило присвоить необходимымъ въ проектируемомъ заведеніи должностямъ жалованье нѣсколько высшее противъ получаемого директорами, преподавателями и учителями нашихъ гимназій. Въ виду новости дѣла и трудности обязанностей, возлагаемыхъ на педагогическій составъ учительской школы, комиссія предлагала, что указанные оклады, близко подходящіе къ тѣмъ, которые получаютъ въ нѣкоторыхъ казенныхъ заведеніяхъ, не могутъ быть сочтены высокими.

ОТДѢЛЪ II-й. ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОВОЗРѢНІЕ СВЯТЫНЬ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

(Окончаніе.)

Въ 1654 г. въ Москвѣ и ея окрестностяхъ открылась смертоносная язва. Три года свирѣствовала она.

Къ концу этого времени одна монахиня, жившая въ Алексѣевскомъ женскомъ монастырѣ, зараженная язвою, желала, чтобы въ монастырь принесена была чудотворная икона Богоматери Грузинской, что на Варварской улицѣ, но когда исполнить сего желанія некому было, болящей инокинь въ видѣніи открыто было, что въ ихъ монастырѣ есть принесенная изъ Грузіи икона Богоматери, отъ которой она и другіе могутъ получить исцѣленіе. Икона Богоматери была найдена въ церковной ризницѣ; болящая, послѣ молебна, предъ нею получила исцѣленіе, равно и всѣмъ болящимъ въ обители подано было здравіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, 1662 г. слѣпая княжна Прозоровская предъ сею иконою получила прозрѣніе.

Въ томъ же монастырѣ извѣстна прославленная чудесами икона Богоматери, именуемой Цѣлительницы.

Многочисленность умиравшихъ отъ язвы въ 1654 году послужило основаніемъ къ учрежденію кладбищенскаго монастыря Покровскаго въ 1655 г.

Въ 1656 г. великій патріархъ Никонъ положилъ основаніе монастырю Воскресенскому, именуемому Новый Іерусалимъ, священному памятнику святыхъ Іерусалимскихъ.

Въ 1658 г. царь Алексѣй Михайловичъ на соколиной охотѣ, ночью, увидѣлъ явившуюся ему св. вел.-мученицъ Екатерину, которая предвозвѣстила ему рожденіе дочери. Въ ознаменованіе сего явленія, царь на мѣстѣ явленія въ 1658 г. положилъ основаніе обители, которая извѣстна теперь подъ именемъ Екатерининской пустыни.

Въ 1660 г. положено было основаніе монастырю Заиконоспасскому, съ 1685 г. сдѣланному училищнымъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія въ Москвѣ, въ приходѣ Никозая Чудотворца на Шупышахъ, стала про-
славляться чудесами икона Богоматери: Утоли моя печали. По откровенію одной разслабленной боярыни, сія икона найдена была между другими иконами на колокольнѣ, и едва внесена была въ церковь, какъ разслабленная, вовсе лишившаяся во время болѣзни своей голоса, громко сказала, что эту самую икону видѣла она въ видѣніи, и по совершеніи молебствія вышла изъ церкви совершенно здоровою. Это чудо совершилось января 25 дня, и въ тотъ день установлено празднованіе сей иконѣ.

Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей родная сестра патріарха Іоакима, Евѣмія Петровна, жившая на Ордынкѣ, страшно страдала отъ раны въ боку. Божественный голосъ указалъ ей икону Богоматери всѣхъ скорбящихъ Радости, стоящую въ трапезѣ церкви Преображенія на Ордынкѣ, и повелѣлъ ей поднять сію икону въ домъ и отслужить молебенъ. Евѣмія исполнила повелѣніе и 24 октября получила исцѣленіе отъ своей болѣзни, посему и празднованіе

сей иконѣ установлено октября 24 дня.

Въ концѣ XVII столѣтія, именно въ 1686 г. Москва получила еще драгоценную святыню. Грузинскій царь Арчилъ вывезъ изъ Грузіи гвоздь, которымъ пригвождено было ко кресту тѣло Спасителя нашего. Сарскій митрополитъ Игнатій принесъ сію святыню въ Успенскій соборъ.

Начало XVIII столѣтія въ Москвѣ ознаменовано было чудесами отъ Гребневской иконы Божіей Матери. Въ 1711 г. нужно было перестроить церковь и поновить самую икону. Во время перенесенія иконы въ село Преображенское для поновленія и при освященіи церкви совершалось много чудесъ отъ сей иконы. Два изъ нихъ засвидѣтельствованы митроп. Стефаномъ Яворскимъ, освящавшимъ церковь.

Около того же времени одинъ живописецъ въ Италіи въ какомъ-то монастырѣ снялъ копию съ иконы Богоматери, Святаго семейства. Эту копию въ бытность свою въ Москвѣ онъ оставилъ у родственника своего, священника Троицкой на Грязяхъ церкви, а самъ отправился опять за границу, гдѣ и умеръ. Троицкій священникъ, получивъ извѣстіе о смерти его, придумалъ писанную на холстѣ икону повѣсить на паперти надъ входомъ въ церковь. Около половины XVIII стол. одна знатная боярыня сильно скорбѣла о томъ, что мужъ ея былъ сосланъ, сынъ попалъ въ нѣбѣ, имѣніе было отобрано въ казну. Въ откровеніи ей для утѣшенія повелѣно было отыскать и помолиться предъ иконою Святаго семейства. Послѣ долгихъ поисковъ, боярыня нашла желанную икону на паперти Троицкой церкви и, по молитвѣ предъ нею, вскорѣ получила три радостныя вѣсти: о возвращеніи мужа изъ ссылки, сына изъ плѣна, имѣнія изъ казны. Почему икона сія и получила наименованіе Трехъ радостей, какъ говорить о семъ преданіе.

Около половины того же столѣтія въ домѣ А. Лукина на Остоженкѣ служители его увидали въ сѣняхъ на кирпичной нештукатуренной и незакрашенной стѣнѣ писанный красками нерукотворенный образъ Спасителя. Розысканія о томъ, кто написалъ его, не повели къ опредѣленнымъ свѣдѣніямъ. Лукинъ приказалъ образъ стереть и закрасить, но изображеніе появилось на томъ же мѣстѣ въ другой разъ. Вторично окрашена была вся стѣна, но ликъ Спасителя изобразился на стѣнѣ вновь. Вскорѣ самъ Лукинъ исцѣленіе отъ болѣзни отнесъ къ особой помощи Божіей чрезъ сію икону, и многіе другіе усердными приношеніями свидѣтельствовали свое благоговѣніе къ сей иконѣ. Въ 1812 г. домъ Лукина, перешедшій къ Дурновымъ, сгорѣлъ, но икона Спасителя сохранилась въ цѣлости, и превлекала къ себѣ усердствующихъ богомольцевъ. Съ 1847 г. г. Барыковъ, купившій сей домъ, устроилъ въ немъ богадѣльню и храмъ Нерукотворен-

наго образа.

Около половины же сего столѣтїа чудесно явилась въ селѣ Ведерницахъ, Дмитровскаго уѣзда, икона Спасителя, исцѣляющаго разслабленнаго. Есть свидѣтельство, что къ нему съ усердіемъ притекали еще прежде мора 1771 г.

Во время губельной язвы 1771 года, многіе изъ зараженныхъ ею московскихъ жителей получали исцѣленіе отъ иконы Спасителя, написанной на стѣнѣ въ притворѣ Благовѣщенскаго собора; съ сего же времени особо чтимою стала икона Боголюбской Богоматери у Варварскихъ воротъ.

Штагы 1764 г. уничтожили въ Московской епархіи множество монастырей, а) но не уничтожили расположенія къ иноческой жизни.

Въ 1777 г. Московскій Митрополитъ Платонъ началъ прилагать усердное стараніе объ устройствѣ Николаевской Берлюковской пустыни. Еще въ смутное время самозванцевъ, пѣкго іеромонахъ Варлаамъ, скрываясь отъ поляковъ, поселился въ глухомъ лѣсу на берегу Вори; онъ съ помощію окрестныхъ жителей построилъ храмъ св. Николая, но по кончинѣ его церковь св. Николай и мѣсто сіе оставалось въ запустѣніи. Возобновленіе сей обители началъ по желанію Платона игумень Лука, и особенно іеромонахъ Іоасафъ изъ Перервинскаго монастыря.

Въ 1783 г. тотъ же митрополитъ положилъ основаніе Спасо-Вианскому монастырю, а въ 1786 г. для освященія его перенесъ въ него хранившійся въ Успенскомъ соборѣ Сергіевой Лавры дубовый гробъ, въ которомъ нетлѣныя мощи преп. Сергія 30 лѣтъ почивали въ землѣ.

Въ 1799 г. тотъ же митрополитъ, въ Коломнѣ, при бывшемъ архіерейскомъ домѣ, устроилъ Троицкій Новогудутвинъ монастырь, къ которому и приписанъ былъ Старо-Гудутвинской Богоявленскій монастырь.

Устройство новыхъ обителей не прекращалось и въ текущемъ столѣтїи. Въ 1822 году открыта была Борисоглабская женская община въ 3 верстахъ отъ Звенигорода. Въ 1831 г. она переименована была въ Анносинъ Борисоглабскій монастырь.

Въ 1824 г. изъ лѣсовъ Сибири съ ликомъ дѣвственницъ пришелъ блаж. старецъ Зосима и въ Верейскомъ уѣздѣ положилъ основаніе существующему теперь Троице-Одигитріевскому женскому общежитію.

Въ 1829 г. мая 24 д. по откровенію, бывшему слѣпой крестьянкѣ села Кудинова, въ Берлюковской пустынѣ въ хлѣбопекарнѣ найденъ былъ образъ: Лобзаніе Іудею Христа Спасителя. По совершеніи молебствія и

а) О закрытыхъ штатахъ и упраздненныхъ прежде монастыряхъ Московской епархіи предполагается представить свѣдѣнія

освященія воды слѣпая прозрѣла, и въ слѣдъ затѣмъ безчисленное множество исцѣлений стало изливаться отъ сей чудотворной иконы.

Въ 1832 г. множество чудесъ совершилось отъ иконы Казанской Божіей Матери въ Симоновѣ монастырѣ. Немного спустя послѣ сего въ селѣ Стормыни прославилась чудесами икона Печерской Божіей Матери, принадлежавшая основанному здѣсь преп. Сергіемъ и потомъ уничтоженному Дубенскому монастырю.

Въ 1833 г. положено было основаніе Спасской общины женской на Бородинскомъ полѣ; въ 1838 г. община сія переименована въ Спасо-Бородинскій монастырь.

Въ 1849 г. Митрополитомъ Филаретомъ положено было основаніе Геосиманскому скиту, при Сергіевой Лаврѣ. Въ него перенесенъ былъ изъ села Подсосеня прежній монастырскій построенный и освященный преп. Діонисіемъ, архимандритомъ Троицкимъ, деревянный храмъ Успенія и изъ святынъ Лавры перенесена туда древняя схима, въ коей былъ погребенъ преп. Сергій. Тамъ же въ скиту хранился схима, бывшая 16 лѣтъ на мощахъ св. Митрофана Воронежскаго.

Въ тяжкое для Москвы время холеры 1846—47 г. Господь не оставилъ Москвы своею благодатною помощію. Въ 1847 г. начала источать чудеса икона Богоматери Споручницы въ Николахамовнической церкви, а съ февраля 15, 1848 г., одному больному холерою чудесно указана была и стала источать чудеса икона Знаменія Богоматери въ Златоустовомъ монастырѣ.

Къ послѣднимъ обителямъ, устроеннымъ въ Московской епархіи, относится Влахернское женское общежитіе, открытое 1858 г. въ селѣ Новоспасскомъ, Деденово тожъ, близъ Дмитрова. Священнымъ достояніемъ сего общежитія служить многочисленная святыня, въ теченіе вѣковъ собранная родомъ Головиныхъ.

Въ 1859 г. положено основаніе мужской Гуслицкой Спасо-Преображенской обители. Она основана на томъ мѣстѣ, гдѣ еще святитель Фотій поставилъ обиденный деревянный храмъ въ честь явленной иконы Нерукотвореннаго Спасителя. Самая сія икона и деревянный храмъ, построенный Фотіемъ, находятся и теперь въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ.

Благодать Божія даруетъ многообразную помощь вѣрующему, но только искренняя вѣра пріемлетъ чудесную помощь отъ Бога. Ревность къ благочестію созидаетъ святые храмы и обители, но только молитва и благочестивая жизнь поддерживаютъ обители и украшаютъ храмы.

С. М. Близору

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО.

(Продолженіе *).

Трудно рѣшить что вреднѣе для истины,—ложные взгляды, или предубѣжденія. Слѣдствія отъ тѣхъ и другихъ почти одинаковы: одностороннія, или прямо ложныя понятія о предметъ; но предубѣжденія какъ-то особенно обидны и оскорбительны для чувства истины и справедливости. При ложномъ возрѣніи, человекъ, хотя и стоитъ на невѣрной точкѣ зрѣнія, но по крайней мѣрѣ смотритъ на предметъ самъ своими глазами, и можетъ сказать другимъ: Я смотрю внимательно и утверждаю то, что вижу. Напротивъ, человекъ предубѣжденный повторяетъ только чужія мысли, произносить съ увѣренностію ложныя сужденія, взятыя имъ на слово, и на всѣ приглашенія—посмотрѣть на дѣло своими глазами, обдумать своимъ умомъ,—только махнеть рукой, и скажетъ: „что тутъ смотрѣть? Это всѣ говорятъ; это давно рѣшено и извѣстно!“

Въ такомъ тонѣ многіе изъ нашего образованнаго общества и очень многое говорятъ о православной Церкви съ чужихъ словъ, не принимая на себя труда проверить, идетъ ли къ ней то, что ей приписываютъ, и виновата ли она въ томъ, въ чемъ ее обвиняютъ.

Предубѣжденія противъ нашей родной православной Церкви начали распространяться въ нашемъ образованномъ обществѣ съ того же самаго времени, когда начали появляться у насъ вмѣстѣ съ наукою рационалистическія возрѣнія на Церковь, т. е. со времени водворенія у насъ европейскаго просвѣщенія. Извѣстно, что до петровскаго времени все просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ имѣло церковный характеръ. Любимыми книгами нашихъ предковъ были священное писаніе, творенія греческихъ отцевъ церкви, житія святыхъ и немногія догматическія и нравственныя произведенія отечественной письменности. Вліяніе церковнаго характера на образованіе было такъ велико, что даже первые учебники по нѣкоторымъ свѣтскимъ наукамъ, начинавшимъ проникать съ Запада въ наше отечество, какъ грамматика и ариметика, были соединяемы съ священными повѣствованіями и нравственными размышленіями. Очевидно, что это была крайность. Наука требовала самостоятельности, отдѣленія отъ религіи, но не въ смыслъ совершеннаго высвобожденія отъ вліянія вѣры, а въ смыслъ точнаго разграниченія предметовъ знанія для свободнаго и безпрепятственнаго ихъ изученія и раскрытія.

Но если въ допетровское время наши предки до того пристально, такъ сказать, смотрѣли на свою Церковь, что съ трудомъ отводили отъ нея глаза для того, чтобы обратить полное вниманіе на науку, то въ послѣдующее время дѣти и внуки ихъ, напротивъ, до того заглядѣлись на европейское просвѣщеніе, что съ каждымъ годомъ болѣе теряли изъ виду свою православную Церковь. Изученіе иностранныхъ языковъ, особенно французскаго и нѣмецкаго, скоро открыло нашимъ первымъ любителямъ просвѣщенія многостороннюю европейскую литературу. Какою скудною и какою слабою въ художественномъ отношеніи сравнительно съ нею представилась имъ наша отечественная литература? Они поражены были богатствомъ европейскаго просвѣщенія не менѣе того, какъ житель нашего суроваго сѣвера поражается богатствомъ природы Швейцаріи и Италіи, посѣщая эти страны въ первый разъ. И какъ первые наши путешественники въ прекрасныя страны южной Европы возвращались домой съ пренебреженіемъ къ своей родной землѣ, такъ и первые наши ученые, обогатенные плодами европейскаго научнаго образованія, отнеслись болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ къ духовному просвѣщенію, господствовавшему въ нашемъ отечествѣ.

Но потребность вѣры такъ сильна въ природѣ человеческой, чувство религиозное такъ живуче, что можно заглушить ихъ въ людяхъ на время, можно извратить и исказить, но истребить совершенно нельзя. Какъ разумъ ищетъ знанія, такъ и религиозное чувство требуетъ себѣ удовлетворенія. Когда для разума найдена была въ Европѣ сокровищница знанія, тамъ же стала находить себѣ пищу и потребность вѣры. Рядомъ съ потокомъ научныхъ познаній и рационалистическихъ возрѣній хлынулъ къ намъ изъ Европы другой потокъ чуждыхъ намъ религиозныхъ ученій и всякаго рода свѣдѣній относящихся къ вѣрѣ, къ исторіи Церкви и церковному благоустройству. Предъ нашимъ образованнымъ обществомъ открылась духовная литература Европы столь же богатая, разнообразная и изящная, какъ и литература свѣтская. Духовныя книги нѣмецкія и преимущественно французскія догматическаго, нравственнаго и историческаго содержанія, вмѣстѣ съ книгами свѣтскими, наводнили библіотеки нашего высшаго дворянства. Доселѣ сохраняются по дворянскимъ помѣстьямъ библіотеки такого рода, собранныя во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ которыхъ съ трудомъ найдете русскую книгу,—и то научнаго, а не религиознаго содержанія. Славянская біблія, переводы

*) См. М. Е. В. №№ 1 и 3.

св. отцевъ, четіи-минеи, сборники духовнаго со- держанія, древнія греческія рукописи, — все это, какъ видно, было изгоняемо изъ такихъ библи- отекъ а). Въмѣстѣ съ книгами явились и живые проповѣдники чуждыхъ религіозныхъ ученій, — профессеры, аббаты, гувернеры, компаньоны и компаньонки, нянюшки и т. под. Предъ иностран- ными изящными книгами и живыми образован- ными людьми наши русскія книги и русскіе духов- ные люди оказались тяжелыми, грубыми, чуть не варварскими. И такія книги и такіе люди допус- каемы были въ дома высшаго образованнаго об- щества только по нуждѣ, — для исправленія цер- ковныхъ требъ и молитвословій. При тѣсномъ сближеніи съ Западомъ, сношенія съ православ- нымъ Востокомъ прекратились; при оскуднѣніи зна- нія греческаго и славянскаго языковъ сокровища православнаго вѣроученія для нашихъ свѣтскихъ образованныхъ людей какъ будто скрылись въ нѣ- дра земли. Подъ вліяніемъ французскихъ, книгъ, аб- батовъ и иезуитовъ, начались неслыханныя прежде совращенія образованныхъ русскихъ людей въ римско-католическую вѣру, а поды вліяніемъ нѣ- мецкихъ книгъ, нѣмецкихъ ученыхъ, чиновниковъ и врачей, явились лютеранскія понятія о церков- ныхъ обрядахъ и уставахъ. Такъ постепенно об- разовался тотъ хаосъ религіозныхъ понятій въ нашемъ образованномъ обществѣ, при которомъ еще и теперь такъ трудно восстанавливается въ немъ чистое православное вѣроученіе, хотя время зна- чительно измѣнилось.

Намъ могутъ сказать: почему же православное духовенство не слѣдило за направлениемъ обще- ства и не старалось удовлетворять его религіоз- нымъ потребностямъ хорошими книгами на рус- скомъ языкѣ и тѣмъ отвлекать его отъ западныхъ книгъ и чужихъ проповѣдниковъ?—Требовать, что- бы духовенство въ началѣ прошлаго столѣтія, остав- ленное самому себѣ, писало на русскомъ языкѣ лучше, чѣмъ свѣтскіе наши ученые, получавшіе на казен- ный счетъ, или на свои богатые средства, евро- пейское образованіе — это значило ожидать отъ него чуда. И то великая милость Божія, что оно совсѣмъ не погрязло въ невѣжествѣ, что съ ве- лкими усилиями, трудами и лишениями оно вы- бралось на путь просвѣщенія, и теперь, когда для русскаго народа настаетъ время самостоятельнаго мышленія, самостоятельнаго національнаго разви- тія, оно въ состояніи принять участіе въ общемъ движеніи, соотвѣтственно своему призванію.—Из- вѣстно, какъ воспитывались въ прошломъ столѣ-

а) Любители отечественной древности въ то время состав- ляли рѣдкія исключенія.

тіи и въ началѣ нынѣшняго дѣти нашего духо- венства. Они питались въ школахъ гнилымъ хлѣ- бомъ, ходили въ затрапезныхъ халатахъ и въ лаптяхъ, учились зимою въ нетопленныхъ клас- сахъ, добывали копѣйки на сальную свѣчку для домашнихъ занятій копаніемъ градь, путешество- вали Христовомъ именемъ изъ домовъ родитель- скихъ въ школы и обратно, — и при всемъ томъ съ помощію Божіею изъ нихъ выходили знамени- тые пастыри церкви, — Платоны, Филареты, Инно- кентіи. Свѣтскіе ученые и чиновники только вы- манивали лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ школъ въ университеты и на службу, а свѣтскіе писатели только осмѣивали семинаристовъ и свя- щенниковъ въ повѣстяхъ и романахъ, заставляя первыхъ играть смѣшныя роли, а послѣднимъ влагая въ уста пошлыя сентенціи и заставляя ихъ говорить такимъ языкомъ, какого не отыщешь ни въ простомъ народномъ говорѣ, ни въ старыхъ книгахъ... — Но зачѣмъ вспоминать старыя недо- разумѣнія, когда настоящее время открываетъ столько свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ на друж- ное и единодушное служеніе благу Церкви и оте- чества всѣхъ ихъ сыновъ, безъ различія сословій! Надобно стирать самыя слѣды этихъ недоразумѣ- ній, чтобы не видѣть враждебныхъ вліяній тамъ, гдѣ по природѣ вещей должны быть и есть одно- родныя, жизненные силы.

Указывая общій источникъ предубѣжденій про- тивъ православной Церкви, о которыхъ хотимъ говорить, мы не беремся прослѣдить когда и от- куда вошло къ намъ каждое мнѣніе, враждебное Церкви, а только перечислимъ и разберемъ глав- нѣйшія изъ нихъ съ тою мыслию, что по самымъ качествамъ этихъ мнѣній можно будетъ видѣть, какое изъ нихъ римско-католическаго и какое лютеранскаго происхожденія.

Первое мѣсто между этими предубѣжденіями за- нимаютъ ложныя понятія объ отношеніяхъ рус- скаго православнаго духовенства къ народу. Эти понятія, неизобразимо вредныя для нашей право- славной Церкви, можно почестъ совокупнымъ произ- веденіемъ латинства и лютеранства. Римская Цер- ковь повредила въ этомъ случаѣ намъ (и всему христіанскому міру) тѣмъ, что показала примѣръ вредныхъ отношеній своего духовенства къ наро- дамъ, исповѣдующимъ римскую вѣру, а лютеран- ство тѣмъ, что, указывая на эти отношенія съ особеннымъ усиленіемъ, набросило тѣнь на нашу Церковь и взвело на нее незаслуженныя обвиненія и подозрѣнія. Эта тѣнь брошена очень давно, при первыхъ преобразованіяхъ въ нашемъ оте- чествѣ, которыя прилились по несчастію къ вре-

мени самого разгара въ Европѣ литературной борьбы между латинствомъ и лютеранствомъ. И какъ легко это могло случиться! Наше духовенство начала прошлаго столѣтія, неотличавшееся просвѣщеніемъ, въ большинствѣ своемъ, какъ мы говорили прежде, смотрѣло враждебно на нововведенія Петра Перваго, въ томъ числѣ и на европейскую науку, и тѣмъ раздражало великаго преобразователя. Окружавшимъ его иностранцамъ-лютеранамъ стоило только намекнуть: „видите, это движеніе точно такого же рода, какъ и на Западѣ. Католическая Церковь устроена очень сходно съ вашею. Тамъ епископы, у васъ то же; тамъ монахи и у васъ монахи: какъ бы и у васъ не вышло того же, что произошло тамъ!“ Мы говоримъ, что стоило только сдѣлать одинъ намекъ, чтобы легкое указаніе такого рода произвело сильное впечатленіе въ новомъ, только еще складывавшемся нашемъ образованномъ обществѣ, и въ видѣ опасенія осталось въ немъ доселѣ, потому что въ чуждыхъ элементахъ, поддерживавшихъ это опасеніе, не было недостатка.

Дѣйствительно, было чего бояться, смотря на Римскую церковь. Она представила міру ужасающей примѣръ злоупотребленій духовною властію. Римскіе папы возмечтали быть повелителями вселенной. Они подвергали анаемѣ и народы и царей, ссоря ихъ между собою изъ политическихъ видовъ; освобождали подданныхъ отъ присяги, данной законнымъ ихъ государямъ. Они возбуждали между-народныя войны. Сохраняя центръ своей духовной власти въ Римѣ, они разсыпали по всему міру своихъ агентовъ, — безсемейныхъ священниковъ, разныхъ именованій монаховъ, преимущественно же іезуитовъ, указывая всѣмъ имъ одну цѣль—водвореніе всюду папскаго вліянія всякими средствами—подъ видомъ распространенія христіанской вѣры, дѣлъ благотворительности, заботы о спасеніи душъ. Эти агенты, слѣдя строго за всякими политическими движеніями во всѣхъ странахъ, точнѣ всякихъ посланниковъ извѣщали обо всемъ Римѣ. Въ качествѣ духовниковъ они узнавали политическія тайны, лестію и страхомъ порабощали себѣ совѣсти властителей, проникали въ тайные совѣты и судилища, путемъ исповѣди распространяли въ массахъ нужныя имъ мысли и возрѣнія, и по одному мановенію изъ Рима поднимали мятежи и совершали политическіе перевороты. Возведши въ догматы ложныя мысли, они боялись обнаруженія своей неправды и для того запрещали мірянамъ чтеніе свящ. писанія и толкованіе догматовъ вѣры; находили для себя выгоднымъ держать народы въ невѣжествѣ и тамъ,

гдѣ народы съ неудержимою силою сами порывались къ просвѣщенію, забирали дѣло народнаго образованія въ свои руки и въ самомъ просвѣщеніи находили орудіе для достиженія своей цѣли. Они не имѣли возможности дѣйствовать на людей одною силою убѣжденія, потому что убѣжденіе требуетъ свободнаго выраженія мыслей, разсужденій, преній, и для того раскрытія всѣхъ, самыхъ глубокихъ, послѣднихъ основаній мысли; а это всегда было для нихъ страшно. Потому они изобрѣли тайную инквизицію, какъ средство держать умы у себя въ порабощеніи страхомъ каторговъ, темницъ и самыхъ разнообразныхъ пытокъ. Всѣ эти приемы католическаго духовенства, употребляемые имъ для распространенія своего вліянія подъ видомъ вѣры и благочестія, кромѣ развѣ инквизиціи, уничтоженной благотѣтельными усиліями свѣтской власти, и доселѣ въ полномъ ходу въ римской Церкви, и доселѣ страшны не только народамъ исповѣдующимъ римско-католическую вѣру, но и народамъ другихъ исповѣданій и религій. Это извѣстно всему міру, очень хорошо извѣстно и въ нашемъ отечествѣ, но вотъ что мало извѣстно въ Европѣ, и къ великому сожалѣнію весьма многимъ неизвѣстно у насъ даже между образованными людьми, именно, — что какъ небо отъ земли отстоитъ православная Церковь по своему устройству отъ Церкви католической, и что судить о первой по послѣдней нельзя безъ явнаго нарушенія законовъ истины и справедливости. Мы намѣренно сдѣлали этотъ очеркъ политическаго значенія римско-католической Церкви, чтобы сравнить съ нею черту за чертою Церковь православную, и показать всю крайнюю неосновательность тѣхъ нареканій, которымъ послѣдняя подвергается по чужой винѣ.

Мы не будемъ для этой цѣли пускаться въ историческія изслѣдованія и сравненія разныхъ эпохъ изъ жизни православной и римской Церкви, разныхъ историческихъ дѣятелей и отдѣльных явленій. Въ этомъ нѣтъ надобности. Все прошедшее и настоящее той и другой Церкви выступитъ предъ нами въ истинномъ свѣтѣ, если мы разсмотримъ догматическія и каноническія основоположенія православія и католицизма, или, какъ нынѣ говорятъ, принципы, по которымъ складывается церковная жизнь на Западѣ и на Востокѣ. По принципамъ обрисовывается и идеаль жизни во всѣхъ ея родахъ и видахъ. По нимъ обсуживаются уклоненія жизни съ прямаго пути; ясное сознаніе ихъ дѣлаетъ возможнымъ возвратъ на прямую дорогу не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ, забывшихъ свое призваніе, что справедливо назы-

вается возрожденіемъ. Поэтому, если бы въ исторіи православной Церкви, или въ современной ея жизни, намъ указали какое-либо явленіе, или даже цѣлый рядъ явленій, имѣющихъ сходство съ тѣми, какія мы указали въ западной Церкви, мы съ совершенною искренностію скажемъ: „да, правда, этому не слѣдовало быть, но это—уклоненіе отъ основаній православія, это вина человѣческихъ недоразумѣній, или слабостей, а не Церкви; въ настоящее время, или въ ближайшемъ будущемъ это возможно будетъ исправить, и мы, сколько отъ насъ зависитъ, постараемся объ этомъ.“ Не то въ Церкви римской. Тамъ на всѣ самыя даже справедливыя требованія уступокъ и исправленій вы слышите это гробовое: *non possumus* (не можемъ), какъ горькое, невольное сознаніе невозможности требуемыхъ исправленій, безъ отреченія отъ принциповъ, которое для Папъ равняется самоумерщвлению.

Главная причина ложнаго направленія духовной власти въ римской церкви заключается въ соединеніи этой власти съ свѣтскою въ лицѣ Папъ. Съ той самой минуты, какъ они возвѣстили міру, что они не только епископы, но и государи, Папы стали въ ложное положеніе и по отношенію къ епископамъ и къ государямъ и къ католическимъ народамъ. Назвавъ себя царями, они отняли у себя навсегда возможность возвращенія къ смиренному сознанію, что они по духовному сану и власти такіе же епископы, какъ и другіе, и имъ осталось только всѣми способами преувеличивать свои духовныя права, прибѣгая ко всякимъ богословскимъ натяжкамъ и ложнымъ толкованіямъ Свящ. писанія, изъ которыхъ самый занимательный образчикъ—это возведеніе св. Апостола Петра въ званіе князя Апостоловъ для того, чтобы такъ называемому преемнику или наслѣднику его Папѣ легче было называть себя царемъ. Предъ государями имъ неловко было являться въ качествѣ бѣдныхъ властителей маленькой земли и подавать въ дѣлахъ политическихъ смиренный голосъ сообразно съ своими ничтожными владѣніями, — и они здѣсь выдвигали впередъ свою безмѣрно увеличенную духовную власть, возвышая и подкрѣпляя ею свои политическія права. По отношенію къ народамъ они навсегда утратили тотъ образъ Христова смиренія, съ которымъ такъ легко епископу отречься для истины отъ земныхъ преимуществъ, и въ бѣдности сохранить, или еще возвысить достоинство своего духовнаго сана и власти; имъ надлежало поддерживать свою царскую власть и пышность и для того добывать всѣми способами деньги. А такъ какъ въ ихъ

царствѣ доходы были скудны, то надобно было открыть источники ихъ въ духовной власти и ея разнообразныхъ примѣненіяхъ къ этой цѣли, — въ индульгенціяхъ, въ поборахъ со всего католическаго міра подъ именемъ лепты св. Петра, въ приобрѣтеніи имуществъ въ разныхъ странахъ разными монашескими орденами, въ политическихъ интригахъ и т. под.

Какъ отрадно послѣ этого неестественнаго, запутаннаго и, при наружномъ величіи, унижительнаго положенія римскихъ первосвященниковъ взглянуть на духовно-свободное, апостольски-простое и — съ точки зрѣнія политической — естественное и здоровое положеніе духовенства въ православной Церкви! Изъ заповѣди апостольской: *всяка душа властемъ предержащимъ да повируется* (Рим. XIII-1.) Епископы православной Церкви не исключали себя самихъ и вездѣ, всегда сохраняли вѣрноподданническія отношенія къ царямъ и властямъ земнымъ по убѣжденію, что на это есть прямая воля самого Христа Спасителя, рекшаго: *царство Мое не отъ міра сего* (Іоан. XVIII. 36). Всѣ внѣшнія преимущества и почести, которыми отличали ихъ христіанскіе государи, они принимали съ благодарностію, какъ дары, и охотно оставляли ихъ, когда властители, увлекаемые лжеученіями, хотѣли посредствомъ ихъ расположить къ себѣ пастырей вѣрныхъ православію, но никогда нигдѣ не старались возвратить себѣ отнятыя преимущества какими-либо насильственными, непрямыми и недозволенными средствами, помня завѣщаніе св. ап. Петра: „не господствуйте надъ наслѣдіемъ Божиимъ“ (1 Пет. 5, 3). Хотя отъ древнихъ временъ въ православной Церкви христіанскія страны для большаго удобства и единообразія въ церковномъ управленіи были раздѣляемы, кромѣ епархій на митрополіи и патріархаты, но митрополиты и патріархи относились къ подчиненнымъ имъ епископамъ какъ старшіе къ младшимъ, а не какъ властители къ подвластнымъ, а между собою — какъ братья. Надъ ними не было и нѣтъ высшей центральной власти, которая бы изъ всей вселенской Церкви стягивала къ себѣ всѣ силы духовныя и вещественныя и тѣмъ усиливалась сама. Воля главы Церкви Иисуса Христа, открытая въ словѣ Божіемъ, церковныхъ канонахъ и открываемая внушеніями Св. Духа въ опредѣленіяхъ соборовъ, — вотъ высшая духовная власть православной Церкви. Итакъ эта верховная власть не земнаго характера и въ земное самовластіе обратиться не можетъ. Всякому превозношенію одного епископа, митрополита, или патріарха предъ другими грозитъ осужденіе отъ остальныхъ, которое въ ви-

дѣ отлученія отъ общенія съ Церковію вселенскою тяготѣть доселѣ и надѣ папою, какъ надѣ патриархомъ, перешедшимъ свои права. Когда трудами проповѣдниковъ православной Церкви свѣтъ Евангелія распространяемъ былъ въ новыхъ странахъ, не зависѣвшихъ въ политическомъ отношеніи отъ той, изъ которой исходили проповѣдники, тогда старѣйшая Церковь относилась къ новонасажденнымъ съ материнскою заботливостію и содержала ихъ въ зависимости отъ себя до тѣхъ только поръ, когда они получали прочное самостоятельное устройство. По достиженіи этой зрѣлости, епископы новыхъ церквей относились уже къ просвѣтителямъ своей страны какъ равные къ равнымъ, соблюдая только преимущества старѣйшинства престоловъ. Не имѣя права ни на какія притязанія къ приобрѣтенію свѣтской власти, православные епископы не имѣютъ другаго оружія въ своемъ распоряженіи кромѣ слова истины, не имѣютъ другой силы для подчиненія своему духовному вліянію разномыслящихъ кромѣ силы убѣжденія, не могутъ употреблять никакихъ карательныхъ мѣръ противъ ослушниковъ, кромѣ духовной эпитиміи и отлученія отъ церковнаго общенія. Поэтому всѣ, какія могутъ указать намъ въ исторіи преслѣдованія еретиковъ и раскольниковъ, проистекавшія отъ духовной власти и не согласныя съ этимъ, высказаннымъ нами положеніемъ,—явленія не нормальныя, не вытекавшія изъ каноническихъ правъ православнаго духовенства; они могли произойти только изъ соглашеній съ свѣтскою властію и могли быть совершаемы только средствами, уступленными свѣтскою властію духовенству. Отъ того всякое обвиненіе православной Церкви въ чемъ-либо похожемъ на инквизицію падаетъ само собою. Судя по всему этому, православная Церковь не имѣетъ надобности таить что-либо отъ свѣта, ея духовенство не имѣетъ причинъ почитать своимъ исключительнымъ правомъ изученіе и толкованіе догматовъ и законовъ Церкви. Чѣмъ больше свѣдѣній о нихъ распространится въ православномъ народѣ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ сужденія о Церкви; чѣмъ больше будетъ вниманія къ ея законамъ, тѣмъ правильнѣе пойдетъ жизнь духовная и общественная.

Теперь представимъ, что по нуждамъ православной Церкви собрался соборъ—большой, или малый, помѣстный, или вселенскій. Изъясняются нужды Церкви, послужившія поводомъ къ собору, предлагаются вопросы, недоумѣнія, раскрываются церковныя каноны, вспоминаются преданія,—начинается обсужденіе современнаго положенія той, или другой мѣстной Церкви по канонамъ Церкви все-

ленской. Предположимъ, что предлагаются на разсмотрѣніе слѣдующія обстоятельства и вопросы: „въ такой-то странѣ такой-то патриархъ, или митрополитъ, или епископъ присволяетъ себѣ (подобно Папѣ) почести несоотвѣтствующія его сану, окружаетъ себя вооруженною стражею, препирается въ дѣлахъ гражданскихъ съ предержавшею властію, возмущаетъ народъ противъ законнаго государя.“ Какого отвѣта на подобныя представленія можно ожидать отъ православнаго собора?—Одного только: объявить сему епископу, да исправится; въ противномъ случаѣ будетъ изверженъ.—Или: „въ такой-то странѣ не христіанскимъ правительствомъ стѣсняются дѣйствія Церкви, епископы лишаются права духовнаго суда и наблюденія за пресвитерами и народомъ, запрещается богослуженіе, народъ отвлекается отъ исполненія закона Господня.“ Что на основаніи церковныхъ каноновъ можетъ на это отвѣтить соборъ?—Онъ можетъ только дать наставленіе *просить* хотя и не христіанское, но Богомъ поставленное правительство о дарованіи свободы Церкви; если же моленіе не будетъ услышано, соблюдать повелѣнія Господни втайнѣ, и если будутъ преслѣдованія, терпѣть ихъ съ покорностію волѣ Божіей, какъ было во времена гоненія.—„Въ такой-то новообращенной странѣ вѣрующіе просятъ перевода священныхъ книгъ и богослуженія на ихъ языкъ, учрежденія училищъ и присылки учителей.“—Что можетъ сказать на это православный соборъ? Онъ можетъ только выразить желаніе, чтобы поспѣшили удовлетвореніемъ этихъ существенныхъ нуждъ новообращенныхъ. „Тамъ-то происходитъ великая молва въ народѣ и пренія по поводу дарованія свободы еретикамъ и раскольникамъ, состоящимъ подъ строгимъ надзоромъ правительства.“—Какого рѣшенія на такого рода недоумѣнія на основаніи каноновъ можно ожидать отъ собора? Можно ждать окружнаго посланія, которымъ соборъ повелитъ епископамъ, чтобы они сами и чрезъ пресвитеровъ старались вразумить неправомыслящихъ, ожесточенныхъ обличали и содержали внѣ общенія церковнаго, но произнести рѣшенія о томъ, какое даровать имъ положеніе въ государствѣ предоставили бы мудрости правительства, прося съ своей стороны, чтобы правительство, исповѣдующее православную вѣру, при этихъ рѣшеніяхъ не опускало изъ виду блага православной Церкви.

Намъ кажется, что мы не оскорбляемъ важности разсматриваемаго нами предмета и святости церковной власти этимъ, такъ сказать, олицетвореніемъ разсужденій. Мы не поднимаемъ никакихъ новыхъ вопросовъ, не предрѣшаемъ никакихъ рѣ-

пней, неимѣющихъ оснований и примѣровъ въ прошедшей исторіи Церкви. Мы не выходимъ изъ круга дѣйствующихъ церковныхъ правилъ. Этою картиною нагляднаго представленія недоумѣній на судъ православныхъ канонѣвъ и православной церковной власти мы только хотимъ дать надлежащее освѣщеніе другой картинѣ—положенія дѣла на Западѣ. Римскаго папу, верховнаго властителя западной Церкви, правительство и народы католическихъ странъ молятъ и просятъ: „отрегитесь вы отъ этой безсильной свѣтской власти, останьтесь только верховнымъ первосвященникомъ, и мы будемъ чтить васъ больше прежняго; уничтожьте въ Римѣ эту гнилую монашескую администрацію, отдайте вѣчный городъ, согласно съ желаніемъ его жителей, королю Италіи—законному его обладателю.“ Какою отвѣтъ?—*Non possumus* (не можемъ). „Оставьте вы свѣтскимъ правительствамъ свободу устраивать государственныя дѣла, какъ они найдутъ лучшимъ, перестаньте мѣшаться въ политику, перестаньте подвергать проклятію правительство вашего отечества, свободу печати и прочія современные учрежденія, добытыя великими трудами.“—Не можемъ.—„Дайте разноязычнымъ христіанскимъ народамъ вашей Церкви священныя книги и богослуженіе каждому на ихъ языкѣ; это необходимо для народныхъ массъ, незнающихъ языка латинскаго.“—Не можемъ.—„Запретите вашимъ священникамъ и монахамъ поднимать политическія смятенія въ Мексикѣ, Польшѣ, Ирландіи, нашептывать народу при исповѣди въ чью пользу подавать голоса во Франціи и пр.“ На подобныя представленія если не слова, то о дѣла говорятъ:—Не можемъ.—Почему же Папа не можетъ отказать отъ того, что ему самому обращается въ тягость и во вредъ его служенію? Почему не можетъ принять того, чего требуетъ польза и его собственная и управляемой имъ Церкви? Потому что исторія привела его къ безвыходное положеніе; исторія на немъ показываетъ всему міру, какъ мы замѣтили прежде, что нельзя безнаказанно нарушать силою человѣческаго произвола божественныя законы Церкви, что только до тѣхъ поръ Церковь свободна отъ тревоженій міра, пока вѣрна своимъ канонамъ. Отречься Папѣ отъ свѣтской своей власти,—это значитъ сознаться, что предшественники его сдѣлали великую ошибку, присвоивши ее себѣ, и что, доказывая столько вѣковъ какъ догматъ, необходимость совмѣщенія въ лицѣ Папы первосвященнической и царской власти, они явную ложь возводили въ догматъ. Если однажды Папа сознается за себя и своихъ предшественниковъ въ какой-либо ошибкѣ, тогда онъ подорветъ дру-

гой догматъ о непогрѣшимости папъ, т. е. что римскій первосвященникъ ошибаться не можетъ; а этотъ догматъ также римскіе богословы съ усиленіемъ доказывали почти тысячу лѣтъ. Когда же хотя одинъ Папа въ слухъ всего католическаго міра скажетъ, что папы такіе же люди, какъ и всѣ, что догматъ объ ихъ непогрѣшимости есть произведение древней гордыни и невѣжества, тогда ясно выступятъ всѣ заблужденія католицизма, вѣдрившіяся въ западную Церковь подъ покровомъ папской непогрѣшимости, и ложно присвоенное папами право перерѣшать рѣшенія соборовъ, канонизовать по произволу святыхъ, единолично рукополагать епископовъ, и *filioque*, и чистилище, и индульгенціи и новый догматъ *de immaculata conceptione* и пр. Тогда западную Церковь постигнетъ великій переворотъ, и безъ сомнѣнія къ лучшему; только Папа падетъ съ своего искусственно возвышеннаго престола.

Жалость дома Божія сльдаеть (Іоан. 2, 17) сердце православнаго христіанина, когда онъ по поводу этихъ злоупотребленій римской Церкви слышитъ отъ своихъ полные подозрительности отзывы о православной Церкви, или двусмысленныя на нее намеки. Каково было наше удивленіе, когда въ шестидесятыхъ годахъ, при неожиданномъ умноженіи у насъ духовныхъ журналовъ, которое такъ порадовало нашъ православный народъ, вдругъ появились въ свѣтскихъ русскихъ же журналахъ возгласы: *клерикальная партія просыпается!* Поищите, благосклонный читатель, смысла въ этомъ выраженіи. Въ православной Россіи клерикальная партія! Гдѣ она? Какія ея стремленія и задачи? Какою цвѣтъ? На кого она работаетъ? Чьи интересы защищаетъ и въ чьихъ выгодахъ участвуетъ? Для русскихъ ли епископовъ она трудится, или для котораго либо изъ восточныхъ патріарховъ? Не трудитесь отыскивать смысла тамъ, гдѣ его нѣтъ. Видите, есть въ западной Церкви клерикальная партія, или ультрамонтанская, какъ зовутъ ее во Франціи. Это, какъ мы говорили выше, огромная стая агентовъ Папы, разсыянныхъ по всѣмъ странамъ міра и всюду защищающая мірскіе его интересы. Эти служители Папы во Франціи, Англіи, Австріи, Италіи, издають множество журналовъ, въ которыхъ все направляютъ и натягиваютъ въ пользу Римскаго престола. Такіе журналы по мѣрѣ надобности возникаютъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не было, и умножаются также по особымъ обстоятельствамъ, угрожающимъ или благопріятствующимъ Риму. Въ Россіи вдругъ въ одинъ 1860-й годъ появилось нѣсколько духовныхъ журналовъ и годъ отъ года число ихъ стало увеличиваться.

Зачѣмъ долго думать о томъ, отъ чего произошло это внезапное оживленіе духовной литературы? Зачѣмъ трудиться надъ изученіемъ потребностей и силъ своей отечественной Церкви. Оказалось въ отечествѣ явленіе по наружности сходное съ тѣми, которыя изучены и названы извѣстнымъ именемъ на Западѣ—французскій ярлычекъ готовъ, остается наклеить его на отечественное произведеніе: *клерикальная партія просыпается!* Вотъ въ чистомъ видѣ то, что мы называемъ предубѣжденіями.

Когда, послѣ освобожденія крестьянъ, занялъ наше общество важный вопросъ о народномъ образованіи, мы прислушивались къ разсужденіямъ объ этомъ предметѣ. Голоса раздѣлились. Люди зващіе ближе нашу православную Церковь, говорили: о чемъ же долго думать? Поручить народное обученіе духовенству. Оно разсыпано по всему пространству Русской земли, довольно къ этому подготовлено; оно одно можетъ сообщить народному обученію тотъ церковный характеръ, который именно и нуженъ въ этомъ дѣлѣ. И по исторіи видно, что духовенство искони было учителемъ нашего народа и посѣяло въ немъ много добрыхъ сѣмянъ. Отраднo было слушать эти рѣчи не по пристрастію, не потому, что на насъ возлагаются пріятныя надежды, а по чувству истины и справедливости. Не оскорбляли нашего самолюбія замѣчанія, что духовенство наше не трезво, лѣниво, не знаетъ новыхъ улучшенныхъ методовъ преподаванія; мы думали: все это дѣла поправныя, хотя и чувствовали, что на эти недостатки духовенства намѣренно налегали нигилисты, бывшіе тогда въ силѣ и желавшіе именно устранить религиозное вліяніе въ народномъ обученіи. Но вотъ какія сужденія были истинно поразительны, и они слышались отъ многихъ: „смотрите, это дѣло опасное. Какъ ввѣрять исключительно духовенству народное образованіе. Оно, конечно, охотно заберетъ это дѣло въ свои руки, но и сдѣлаетъ съ нимъ то же, что сдѣлали іезуиты на Западѣ.“ Чтоже дѣлали въ народномъ воспитаніи іезуиты на Западѣ? Они съ непостижимымъ и злокачественнымъ искусствомъ поработали дѣтей своему вліянію, внушали имъ ложныя нравственныя правила, отчуждали ихъ отъ родителей и семействъ ихъ, обращали ихъ въ орудія для своихъ политическихъ видовъ и дѣлали ихъ предателями своего отечества и своихъ правительствъ, развивая въ нихъ фанатическую преданность іезуитскому ордену и Папѣ подъ видомъ ревности по вѣрѣ. Что же? Этого въ самомъ дѣлѣ нужно бояться и отъ православнаго духовенства. Можно бы и здѣсь окончить дѣло тѣмъ же словомъ: *готовый ярлычекъ!* Но вѣдь мнѣніе есть, оно

въ нашемъ обществѣ держится, приноситъ свойственный ему вредъ, слѣдовательно нельзя оставлять его безъ разбора.

Вліяніе іезуитовъ на народныя массы на Западѣ было вредно потому, что они въ дѣлѣ воспитанія дѣйствовали не прямо, нечестно, съ задними мыслями. Какъ цѣлю учрежденія іезуитскаго ордена было поддержаніе папскаго авторитета въ католической Церкви, такъ и высшею цѣлю всей его дѣятельности было то же, доколѣ самъ орденъ не получилъ такого развитія, что подчинилъ себѣ папѣ и счелъ болѣе выгоднымъ работать на себя. Но во главѣ ордена были папы и потомъ его генералы. Орденъ распространялъ свое вліяніе по всему свѣту, собиралъ путемъ пожертвованій, духовныхъ завѣщаній, а иногда и ограбленіемъ сиротъ огромныя имущества и несмѣтныя богатства; онъ доставлялъ своимъ ревностнымъ членамъ почести, значеніе, изобиліе, наслажденія жизни, которыхъ, какъ извѣстно, іезуиты не чуждались. И такъ, іезуиты знали, что дѣлали; но какъ все это примѣнимо къ православнымъ сельскимъ священникамъ, собирающимъ въ свои школы нѣсколько десятковъ крестьянскихъ дѣтей и обучающихъ большею частію даромъ, или за маленькое жалованье? Какую они могутъ найти себѣ стороннюю цѣль? Въ какое соглашеніе могутъ войти между собою? Кто будетъ поддерживать въ нихъ единство направленія? Гдѣ найдется имъ генераль, который бы чрезъ нихъ, какъ чрезъ свои орудія, дѣйствовалъ на народъ? Развѣ мѣстный благочинный или наконецъ мѣстный епископъ? Но что же онъ такое можетъ придумать, кромѣ распространенія въ народѣ путемъ грамотности познаній въ православной вѣрѣ, искренняго благочестія, любви къ Церкви Божіей, не имѣющей никакой главы и никакого верховнаго правителя, кромѣ Господа Иисуса Христа? Православное духовенство знаетъ, что оно можетъ быть искренно любимо православнымъ народомъ только тогда, когда будетъ для него примѣромъ вѣры и благочестія; оно знаетъ, что его собственное благо и *вѣчное обезпеченіе*, стоящее выше всякихъ политическихъ переворотовъ, заключается единственно въ благочестіи и любви къ Церкви православнаго народа. Мы говоримъ съ увѣренностію, что это убѣжденіе есть отличительная черта православнаго духовенства.

Читатель можетъ упрекнуть насъ въ многословіи и въ пристрастіи къ разсужденіямъ безъ нужды, о предметахъ совершенно ясныхъ. Но еслибы онъ встрѣчался съ опытами, съ какими намъ приходится встрѣчаться, онъ бы понялъ, что у насъ, по народному выраженію, *горе говоритъ*, которое

по природѣ своей многословно. Одинъ православный священникъ былъ законоучителемъ въ богатомъ, образованномъ и добромъ семействѣ; онъ преподавалъ уроки закона Божія двѣцѣ лѣтъ тринадцати, очень даровитой и впечатлительной. Съ истиннымъ утѣшеніемъ онъ занимался своимъ дѣломъ, нерѣдко замѣчая слезы умиленія на глазахъ своей ученицы при бесѣдахъ о страданіяхъ Спасителя, о страшномъ судѣ Христовомъ и другихъ трогательныхъ событіяхъ и истинахъ Евангелія. Онъ внутренно благодарилъ Бога и молилъ, чтобы Онъ утвердилъ юную душу на добромъ пути. При урокахъ почти постоянно бывала мать ученицы и иногда принимала участіе въ бесѣдахъ. Все шло хорошо и, казалось, къ общему удовольствію. Но однажды, совершенно неожиданно, мать обратилась къ законоучителю съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „батюшка, я нахожу, что вы слишкомъ много имѣете вліянія на мою дочь.“ Изумленный законоучитель спрашиваетъ: какого—худаго или хорошаго?

„Я не скажу, чтобы худаго, отвѣчаетъ мать, но вы въ преподаваніи закона Божія много дѣлаете примѣненій, выводовъ и наставленій. Такимъ образомъ вы входите въ дѣло *воспитанія*, которое принадлежитъ родителямъ. Это приемы католическихъ священниковъ, которые такимъ образомъ входятъ въ семейства, приобрѣтаютъ вліяніе надъ его членами и достигаютъ такимъ образомъ своихъ цѣлей. Ваше дѣло изложить ученіе закона Божія, а наблюдать за примѣненіемъ этого ученія—наше дѣло.“

— Что же вы хотите, сказалъ священникъ, чтобы я звучалъ во время уроковъ, какъ колоколъ, не обнаруживая никакой своей мысли и чувства. Я именно и почитаю свои уроки частію, и самую важную частію воспитанія вашей дочери; мнѣ кажется, я въ этомъ случаѣ обязанъ помогать вамъ и кажется дѣлаю честно свое дѣло. Не бойтесь; я не подчиню вашей дочери своему вліянію во вредъ ей, или вамъ. У православныхъ священниковъ не тѣ цѣли, не тотъ духъ, какъ у священниковъ католическихъ. Они не соединяются въ корпораціи для достиженія общихъ эгоистическихъ цѣлей. Ими никто не орудуетъ. Они не умѣютъ интриговать въ семействахъ. Самое худшее, что вы встрѣтите отъ православнаго священника въ качествѣ мірскихъ цѣлей, это то, что онъ попроситъ у васъ что нибудь на бѣднѣхъ, или расскажетъ вамъ о своихъ семейныхъ нуждахъ въ надеждѣ вашего участія. Это участіе намъ дорого, потому что духовенство наше бѣдно. Но бояться насъ, какъ свя-

щенниковъ католическихъ, это значитъ не знать устройства и духа православной Церкви.

Поговоривши въ этомъ родѣ, священникъ откланялся и вышелъ изъ дому со слезами на глазахъ. Разговоръ шелъ при дочери. Онъ чувствовалъ, что положеніе его стало съ этихъ поръ ложнымъ: до вѣрїе дѣвицы должно было колебаться между матерью и законоучителемъ, и, воротившись домой, послалъ письмо, въ которомъ объяснилъ матери, что законоучителемъ ея дочери онъ больше оставаться не можетъ.

Мать, по природѣ очень добрая, какъ слышно было, послѣ жалѣла объ этомъ разрывѣ; законоучитель съ грустію вспоминаетъ объ этомъ доселѣ, хотя прошло уже послѣ этого много лѣтъ. Но что дѣлать? Такова сила предубѣжденій.

Это еще не послѣднее изъ предубѣжденій противъ православной Церкви, но на этотъ разъ довольно.

Протоіерей А. Ключаревъ.

Пожертвованіе въ память въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета.

Попечители московской Единовѣрческой типографіи московскіе купцы И. Н. Рыжковъ, Г. М. Чмарсовъ и надзиратели оной протоіерей І. Н. Березинъ и священникъ Г. Г. Воздвиженскій, 14 февраля сего года, въ память въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета пожертвовали въ Московскую Епархіальную бібліотеку слѣдующія напечатанныя въ Единовѣрческой типографіи съ патріаршихъ оригиналовъ разныхъ тисненій книги: 1) Благовѣстное Евангеліе; 2) Толковое Евангеліе и 3) Прологъ въ 4-хъ книгахъ. Книги изданы прекрасно и переплетены изящно. Общество любителей духовнаго просвѣщенія приняло съ благодарностію пожертвованіе въ память незабвеннаго своего попечителя, какъ знакъ сочувственнаго единенія единовѣрцевъ съ Обществомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Члены Общества любителей духовнаго просвѣщенія приглашаются въ обыкновенное собраніе въ Епархіальную бібліотеку въ 16 день марта, въ 6 часовъ вечера (въ мѣсто 15-го).

НАПОМИНАНІЕ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТІАНИНУ

Объ его обязанностяхъ, предлагаемое въ изреченіяхъ слова Божія.

МОСКВА 1869 г.

Книжка назначенная для народнаго чтенія и употребленія въ начальныхъ училищахъ. Цѣль ея—ознакомленіе читающаго съ догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ вѣры въ изреченіяхъ Св. Писанія Вѣтхаго и Новаго Завета. Священный текстъ приводится въ русскомъ переводѣ.—Составлена протоіереемъ А. Ключаревымъ. Продается въ Москвѣ у Берапонтова, Соловьева, Глазунова и Салаева. Цѣна 15 к. сер.

Отдѣльные № продаются по 8 коп. въ Епархіальной бібліотекѣ.

Редакторъ священникъ
В. Рождественскій.

Въ типографіи „Русскихъ Вѣдомостей“
у Малаго Каменнаго моста.

Цензоръ протоіерей
І. Рождественскій.